

В своей книге Морган брала известные факты и подключала писательское воображение, чтобы понять, как мы проделали свой эволюционный путь.

Почему люди — единственные млекопитающие с рудиментарными перепонками между пальцев?

Почему люди — единственные млекопитающие, которые плачут солеными слезами?

Почему оставшиеся на нашем теле волосы не создают сопротивления при плавании в воде? Задавая себе эти и другие подобные вопросы, Морган пришла к выводу, что многие наши предки должны были провести достаточно долгий

период — не меньше нескольких сотен тысяч лет — на берегу моря, подолгу находясь в воде. Очевидно, они были вынуждены уйти из лесов и саванн, либо изгнанные соперниками, либо в поисках убежища от повышающихся температур. Именно Морган внесла наибольший вклад в то, что получило название «теория водной обезьяны»¹. Разумеется, ее рассуждения подверглись насмешкам как выдвинутые любителем и, что гораздо хуже, — женщиной. Однако сейчас, спустя почти 50 лет, эта теория начинает находить некоторое признание. Содержащиеся в морепродуктах питательные

¹ Иначе — «акватическая теория», *англ.* Aquatic Ape Theory (AAT). — *Примеч. пер.*

вещества и правда замечательно способствуют развитию мозга. Для того, кто плавает на мелководье, язык тела и жесты практически бесполезны, что могло стимулировать общение при помощи голоса. У некоторых ископаемых гоминидов описаны выросты и деформации ушных раковин, аналогичные тем, что встречаются у современных дайверов и серферов. Тела новорожденных детей покрыты *vernix caseosa* — первородной смазкой, воскоподобной водоотталкивающей субстанцией, которая защищает кожу первое время. Такая же смазка имеется у тюленей и морских львов. Есть и другие аргументы. Как я уже сказал, иногда любительские предположения приводят к интересным результатам.

Итак, о чем же говорили люди 10 тысяч поколений назад? Не забывайте, они еще не были похожи на современного человека. Согласно подсчетам палеоантропологов, умственные способности, поведение и психика древних людей стали близки к нашим лишь около 1750 женщин назад. В том смысле, что если бы мы отправились на машине времени в тот период, взяли какую-нибудь сиротку и привезли к себе домой, то она выросла бы такой же, как и все другие современные дети с их айпадами, айфонами, соцсетями и мелкими школьными драмами. Но если бы мы отправились дальше в прошлое, это бы не сработало: девочка никогда не стала бы своей в нашем мире. Десять тысяч поколений — гораздо более ранняя отметка.

В те времена люди были еще очень примитивны, хотя и пользовались речью. Как мне кажется, у тех людей речь должна была быть строго функциональной, использовавшейся только для передачи информации.

То, что я говорил об избытии каменного века, касается только соответствия запросов и возможностей, и то лишь в лучшие времена. Это вовсе не значит, что люди жили беззаботной жизнью, полной наслаждений. На протяжении большей части каменного века каждый их день был наполнен тяжелой работой, опасностями и проблемами. Охота на крупную дичь была изматывающим, смертельно опасным занятием. Сбор подножного корма требовал исключи-

тельной организованности, чтобы быть эффективным. Тем временем другие хищники также старались удовлетворить свои запросы и пробовали имеющиеся возможности. Настораживающе большой процент человеческих останков каменного века носит следы чьих-то зубов. Возможно, нашим предкам приходилось поддерживать огонь по ночам и кто-то всегда стоял на страже.

Другими словами, как мне кажется, эти люди ничего не выдумывали. Думаю, вначале это было просто неизбежно. Все могущество сложного языкового общения, обеспечивавшего выживание вида, основывалось на том, что все говорили правду. Или, если точнее, на том, что люди тогда еще не осознавали, что речь

можно использовать как-то иначе. Если бы кто-то сказал, что видел в соседней долине мамонтов, зная, что на самом деле их там нет, то это утверждение, каким бы оно ни было великолепным само по себе в смысле беглости, разнообразия используемых слов и сложности выражений, немедленно и фатально подорвало бы саму эволюционную ценность речи. Ведь в таком случае речь не имела бы никакой практической пользы для решения ситуации, а следовательно, очень быстро превратилась бы в еще одну незначительную, не слишком-то и важную, почти незаметную диковину. Но этого не произошло, поскольку моя 9998-я прабабка воспринимала все сказанное всерьез.

И здесь, поскольку я не только любитель, но к тому же еще и мужчина, кто-нибудь наверняка заметит, что моя теория изначальной правдивости языка наивна. «Даже шимпанзе врут», — скажут они. (И это действительно так: было замечено, как плохие шимпанзе верещат на своем обезьяньем языке: «Беги! Беги! Хищник идет!» — когда в действительности никакого хищника нет. Хорошая обезьяна в панике бросает свой банан, а плохая его подбирает и съедает.) И я соглашусь: наверняка мы поступали так же когда-то давным-давно, это было нечто вроде древнего животного рефлекса, существовавшего где-то в самом начале, среди первых 390 тысяч женщин, когда наше сознание еще находилось на уровне шимпанзе.

Но не 10 тысяч женщин назад. В то время наши предки были уже слишком умны, чтобы так поступать. Сколько других явных эволюционных выгод было упущено из-за внутреннего саботажа?

